

Жак Бо — жертва цензуры ЕС во имя борьбы с дезинформацией

В Европейском союзе некоторые взгляды и мнения теперь могут повлечь за собой серьёзные административные санкции — без судебного разбирательства, без права на защиту и без совершения какого-либо уголовного преступления. Швейцарский полковник Жак Бо является ярким примером этого.

Редакция

втр 16 июн 2026 40 мин. чтения

В ходе передачи «Kontrafunk», вышедшей в эфир 5 июня 2026 г., четверо участников дискуссии — профессор Михаэль Гайстлингер (Зальцбург), адвокат д-р Валентин Ландманн (Цюрих), профессор Дариус Шиндлер (Карлсруэ) и швейцарский политик Клаудио Занетти — проанализировали дело Жака Бо с

юридической, институциональной и политической точек зрения. Их выводы указывают на одно и то же: санкции, введенные Европейским союзом, представляют собой серьезное нарушение принципов верховенства закона.

Санкции без правонарушения

Жак Бо — бывший полковник Генерального штаба Швейцарии и известный стратегический аналитик. Он работал в швейцарских спецслужбах, различных федеральных ведомствах, а также в организациях ЕС и ООН. На протяжении нескольких лет он публикует аналитические материалы по украинскому конфликту, которые расходятся с доминирующей западной версией событий — в частности, в своей книге «Операция Z» (Мах Мило, 2022) и в ходе различных публичных выступлений, включая его речь в Винтертуре в мае 2023 года.

15 декабря 2025 г. Европейский союз включил его в санкционный список на том основании, что он выступает в качестве представителя пророссийской пропаганды. На практике это означает: полную заморозку его активов, запрет на въезд в страны-члены ЕС, а также запрет на предоставление ему каких-либо экономических ресурсов, включая заработную плату или пенсию.

«Сначала его счет был даже полностью заблокирован», — объясняет адвокат Валентин Ландманн, представляющий интересы Бо. «Он не мог даже купить бутерброд. Он не мог ни снять деньги, ни получить доступ к своей пенсии».

По мнению Ландманна, особую серьезность этому делу придает полное отсутствие уголовно-правовых оснований: «Они даже не утверждают, что его слова это ложь». Вопрос заключается просто в том, идет ли Жак Бо вразрез с господствующим мнением в ЕС. И если да, то на него налагаются санкции. По мнению Ландманна, человека можно подвергнуть санкциям только за высказывания, подпадающие под уголовное право. Однако Бо не совершил никакого правонарушения — «абсолютно ничего, ноль».

Мнение меньшинства, имеющее юридическое обоснование

Чтобы понять, почему Жак Бо подвергся санкциям, нам сначала нужно кратко изложить, что он говорит и на чем он основывает свои утверждения.

Утверждение Жака Бо: 2014 год, а не 2022-й

Отправной точкой анализа Жака Бо является хронология событий. Вопреки доминирующему нарративу, согласно которому война началась в феврале 2022 года, он ведёт её отсчёт с 2014 года и революции на Майдане. По его мнению, всё последующее вытекает именно из этих событий: отстранение президента Януковича при обстоятельствах, которые он характеризует как нарушение конституционного порядка; объявление исполняющим обязанности президента Александром Турчиновым антитеррористической операции против населения восточной Украины; а затем восемь лет обстрелов в Донбассе. Ссылаясь на статистику Международного комитета Красного Креста, Жак Бо утверждает, что за этот период погибло около 10 000 мирных жителей, причём большинство этих жертв, по его словам, стало результатом ударов украинских правительственных сил. По его мнению, непосредственным спусковым механизмом российского вмешательства в феврале 2022 года стали указ Владимира Зеленского от марта 2021 года о возвращении Крыма и Донбасса военным путем, а также последовавшая за этим эскалация обстрелов.

Приведенные правовые аргументы

Бо строит свои утверждения на основе трёх отдельных правовых аргументов.

Первым из них является принцип «ответственности по защите» (Responsibility to Protect, R2P), принятый ООН в 2005 году. Этот принцип устанавливает, что государство имеет не только право, но и обязанность защищать население, подвергающееся массовому насилию, если его собственное правительство не способно или не желает этого делать. Сам принцип R2P основан на трёхступенчатой логике. Во-первых, ответственность за защиту населения лежит на самом государстве — по мнению Жака Бо, Киев не выполнил эту обязанность, подвергая обстрелам собственных русскоязычных граждан в Донбассе. Во-вторых, третьи государства должны оказывать политическую поддержку для урегулирования конфликта — роль, которую, как он утверждает, Франция и Германия не выполнили, не обеспечив реализацию Минских соглашений. Наконец, если первые два этапа оказываются безрезультатными, соседнее государство может вмешаться. Именно так, по мнению Бо, поступила Россия в феврале 2022 года. Именно на этот механизм Жак Бо ссылается, обосновывая свою позицию о том, что российское вмешательство было легитимным с точки зрения международного права.

Второй аргумент касается правового статуса Донецкой и Луганской народных республик. Бо рассматривает их как самостоятельные политические образования, которые в 2014 году отделились, приняли собственные конституции и

провозгласили независимость — в ситуации, по его мнению, сопоставимой с прецедентом Косово, который был признан многими западными государствами, несмотря на резолюцию Совета Безопасности, подтверждающую суверенитет Сербии.

Третий аргумент касается недобросовестности западных сторон Минских соглашений. Бо подчеркивает, что эти соглашения, призванные обеспечить политическое урегулирование конфликта, были сознательно сорваны. По его мнению, решающим фактором стали заявления Ангелы Меркель, в которых она публично признала, что эти переговоры были лишь средством для выигрыша времени с целью военного перевооружения Украины: они доказывают, что дипломатический путь был сознательно перекрыт, в результате чего у России осталось мало альтернатив вмешательству.

Что говорит Гайстлингер

Профессор Михаэль Гайстлингер, специалист по международному праву из Зальцбургского университета, не полностью согласен с аргументацией Бо, но и не опровергает её.

Что касается принципа «обязанности защищать» (R2P), то он относится к нему критически: этот принцип может служить оправданием для военного вмешательства лишь при наличии мандата Совета Безопасности ООН, которого Россия не получила. В этом конкретном вопросе аргументация Бо не выдерживает критики с точки зрения материального права.

С другой стороны, Гайстлингер признает несколько ключевых моментов. Период с 2014 по 2022 год действительно следует классифицировать как немеждународный вооруженный конфликт — гражданскую войну в понимании гуманитарного права. Применение силы против Донецкой и Луганской народных республик, которые он анализирует как де-факто режимы в рамках международного права, представляет собой, по его мнению, нарушение запрета на применение силы в соответствии с Уставом ООН — нарушение, которое Совет Безопасности должен был осудить. В этой связи он цитирует комментарий Бруно Симмера к Уставу ООН. Наконец, он признает, что прецедент Косово ослабляет позицию тех, кто отказывает украинским сепаратистским образованиям в каком-либо статусе.

Его вывод однозначен: «То, что я вам здесь рассказал, мои коллеги в Германии разнесли бы в пух и прах. Но я провёл тщательное исследование, стараясь сохранить объективность. Анализ Жака Бо можно считать мнением меньшинства, но ни в коем случае нельзя считать полностью ошибочным».

Этого наблюдения достаточно, чтобы задать реальный вопрос: если аргументы Бо можно опровергнуть, но не окончательно, если они основаны на существующих текстах и реальных прецедентах, то ЕС наказывает не за дезинформацию. Он наказывает за академическую позицию, с которой он не согласен. Это две совершенно разные вещи.

Режим санкций, противоречащий основным правам

Профессор Дариус Шиндлер (Карлсруэ) опирается на экспертное заключение, подготовленное по заказу членов Европейского парламента, чтобы проанализировать правовые основания санкций. Его выводы оказываются весьма жёсткими и критическими.

Этот режим основан на двух правовых актах Совета ЕС от 8 октября 2024 года, направленных против лиц, обвиняемых в «манипулировании информацией» в интересах российского правительства. В рамках этого режима санкции были введены в отношении 47 человек, в том числе немецких журналистов (Алины Липп, Томаса Рёпера, Хусейна Догу) и Жака Бо.

Согласно экспертному заключению, данный режим нарушает ряд основных прав, закрепленных в Хартии ЕС:

Свобода слова (статья 11): режим не проводит четкого разграничения между тем, что является дезинформацией, а что — мнением меньшинства, и не демонстрирует связи с дестабилизирующей деятельностью России. Без этого двойного критерия ясности ущемление свободы слова является несоразмерным.

Право на надлежащее управление (статья 41): ни решение Совета ЕС, ни соответствующий регламент не предусматривают возможности заслушать заинтересованных лиц до их включения в санкционный список. Иными словами, право на предварительную защиту и возможность представить свои доводы до принятия решения не были обеспечены.

Свобода осуществления профессиональной деятельности (статьи 15 и 16): регламент запрещает выплату заработной платы любому лицу, включённому в санкционный список. Федеральное министерство экономики Германии подтвердило, что газета не имеет права выплачивать вознаграждение журналисту, находящемуся под санкциями. Согласно рассматриваемому заключению, такая мера представляет собой не просто ограничение данных основополагающих прав, а

посягательство на саму их сущность, поскольку фактически лишает человека возможности осуществлять свою профессиональную деятельность и получать за неё оплату.

В экспертном заключении также поднимается вопрос о соответствии санкций международному праву. Статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает три условия для любого ограничения свободы выражения мнений: наличие достаточно точного правового основания, преследование законной цели и необходимость такой меры в демократическом обществе. Однако такие понятия, как «манипулирование информацией» или «вмешательство», в соответствующих текстах не определены. Это, по мнению авторов заключения, предоставляет Совету ЕС неограниченные дискреционные полномочия, что противоречит принципу *nullum crimen sine lege scripta et stricta* («нет преступления без письменного и строго определённого закона»). Иными словами, никто не может быть привлечён к ответственности или подвергнут ограничениям на основании расплывчатых и неопределённых норм.

Шиндлер в заключение отмечает принципиальное отличие данного санкционного режима от антитеррористических санкций, из которых он исторически вырос. В случае борьбы с терроризмом замораживание активов было направлено на перекрытие источников финансирования — то есть на лишение террористической сети денежных средств, необходимых для её функционирования. Однако при применении этой меры к аналитику или журналисту, по его мнению, она утрачивает всякую превентивную логику. Замораживание банковского счёта не может помешать человеку писать статьи или высказывать свои взгляды. Оно лишь лишает его средств к существованию и тем самым заставляет замолчать. В случае предполагаемой дезинформации инструментом деятельности является речь, а свобода выражения мнений представляет собой фундаментальное право, имеющее качественно иное значение для демократического общества. В этой связи в докладе приводится позиция Генерального секретаря ООН: дезинформации следует противодействовать посредством развития медиаграмотности и повышения устойчивости общества к манипуляциям, а не с помощью цензурных мер.

Вывод доклада однозначен: с введением данного режима санкций Европейский союз переходит некую принципиальную черту. Если ранее индивидуальные санкции затрагивали главным образом имущественные права и свободу передвижения, то теперь объектом воздействия становится свобода выражения мнений — фундаментальное право, занимающее центральное место в самой идентичности ЕС как правового сообщества.

Отсутствие Швейцарии

Клаудио Занетти задаёт очевидный вопрос: что Швейцария делает для защиты одного из своих граждан?

По словам Валентина Ландманна, когда швейцарские политики или журналисты обращались в Федеральный департамент иностранных дел Швейцарии (FDFA) по поводу дела Жака Бо, ответ неизменно был одним и тем же: «Мы не знаем господина Бо». Полковник швейцарского Генерального штаба, работавший на швейцарские разведывательные службы и в международных организациях, якобы был неизвестен собственному внешнеполитическому ведомству. Позднее, отмечает Ландманн, выяснилось, что это было лишь оправданием: Берн ни при каких обстоятельствах не хотел вступать в конфликт с Европейским союзом или вызывать его недовольство.

Занетти указывает, что Федеральная конституция Швейцарии определяет основную миссию государства следующим образом: «Конфедерация защищает свободу и права народа и обеспечивает независимость и безопасность страны». По его мнению, в случае с Жаком Бо ни одна из этих задач выполнена не была. Государство не защитило права и свободы одного из своих граждан и не предприняло действий для его поддержки, несмотря на применённые к нему меры со стороны Европейского союза. Таким образом, считает Занетти, Швейцария не выполнила свою конституционную обязанность по защите собственного гражданина.

Он проводит показательное сравнение с делом Макса Гёльди. В 2009 году, когда Ливия арестовала швейцарского менеджера компании АВВ, федеральное правительство возмутилось и даже направило армейское подразделение для подготовки секретной операции по его вывозу из страны. В случае Жака Бо ничего подобного даже не рассматривалось. «Неужели Брюссель опаснее Триполи?» — задаётся вопросом Занетти. Или же правительства просто утратили всякое чувство собственного суверенитета перед лицом Европейского союза?

Заключение

Дело Жака Бо, как утверждается в экспертном заключении, иллюстрирует тревожную тенденцию: переход от санкционной системы, изначально предназначенной для борьбы с терроризмом и организованной преступностью, к инструменту контроля над общественным мнением. Лица, включённые в санкционные списки, не совершали уголовных преступлений. Им не была

предоставлена возможность быть выслушанными до внесения в список. Они лишаются доступа ко всем своим финансовым ресурсам и фактически утрачивают возможность заниматься своей профессиональной деятельностью.

Как резюмирует Валентин Ландманн: «Европейский союз игнорирует Европейскую конвенцию по правам человека. В данном случае ЕКПЧ просто скомкали и выбросили в мусорную корзину».

Помимо конкретного случая, данное дело поднимает вопрос, заданный профессором Шиндлером: если Суд Европейского союза не положит конец этой тенденции, не окажется ли Федеральный конституционный суд Германии вынужден пересмотреть свои отношения с европейским правом в рамках потенциального решения «Solange III»?

Хотите узнать больше? Послушайте [полное интервью на немецком на Kontrafunk](#), или прочитайте полную стенограмму ниже.

Интервью

Михаэль Р. Мозер: Здравствуйте, дорогие слушатели.

Приветствую вас на «Контрафунк» — «Голосе разума» из Швейцарии — в нашем сегодняшнем выпуске «Правовое государство». Меня зовут Михаэль Мозер. Рад, что вы с нами. В Европейском союзе политически некорректные мнения подвергаются санкциям. На примере Жака Бо — даже те мнения, которые вполне поддаются научному обсуждению.

В сегодняшней передаче мы рассмотрим провалы исполнительной власти в правовом государстве на нескольких уровнях. Профессор Михаэль Гайстлингер из Зальцбурга, адвокат д-р Валентин Ландманн из Цюриха, профессор Дариус Шиндлер из Карлсруэ и мой коллега Клаудио Занетти из Швейцарии рисуют мрачную общую картину, которая дает повод для размышлений.

Джордж У. Буш, 43-й президент США, в мае 2002 года вызвал волну веселья по всему миру, когда резко осудил самовольное решение начать «совершенно ничем не оправданное и жестокое вторжение в Ирак». На самом деле он имел в виду Украину и тут же исправил свою оговорку по Фрейду. Жак Бо поместил эту оговорку 43-го президента США, занимавшего пост с 2001 по 2009 год, в начало своей книги «Операция Z».

На период президентства Джорджа Буша-старшего и Джорджа Буша-младшего пришлись две крупные войны в Ираке. При анализе военной операции США в Ираке в 2003 году и действий России на Украине можно обнаружить ряд параллелей. Очевидно, что в обоих случаях отсутствует так называемый мандат ООН, что приводит к тому, что в общественном мнении это рассматривается как нарушение статьи 2 пункта 4 Устава ООН, так называемого запрета на применение силы. И США, и Россия ищут оправдание военной операции и развязанной ими войны, в том числе в наличии оружия массового уничтожения и биологических лабораторий. С точки зрения США операция в Ираке 2003 года была превентивной войной, основанной на предполагаемой угрозе. Война на Украине оценивается общественностью как агрессивная война с целью территориальной аннексии. Сама Россия говорит о «специальной военной операции», что в подавляющем большинстве случаев воспринимается как пропагандистский и политический эвфемизм.

Жак Бо — бывший полковник Генерального штаба, стратегический аналитик, который неоднократно публично высказывал мнения, расходящиеся с господствующим в международном праве подходом. Не только в своей книге «Операция Z», изданной издательством Max Milo в Париже в 2022 году, но и в своей речи в Винтертуре 7 мая 2023 года и в ходе различных других публичных выступлений, что в конечном итоге привело в декабре 2025 года к введению против него санкций со стороны Европейского союза, в том числе на том основании, что он выступает в качестве рупора пророссийской пропаганды.

На эту тему я рад сегодня поговорить, прежде всего о том, являются ли взгляды Жака Бода с точки зрения международного права несостоятельными, единичным мнением или мнением меньшинства, с почётным профессором международного права, сравнительного конституционного права и восточноевропейского права Зальцбургского университета Михаэлем Гайслингером. Добро пожаловать вновь в нашу программу.

Майкл Гайслингер: Спасибо за любезное приглашение.

При подготовке к нашей беседе я вспомнил о вас, ведь не так уж много специалистов по международному праву, которые критически подходят к различным точкам зрения. Давайте, возможно, обратимся к этой речи Жака Бо, в которой он по-другому смотрит на причины конфликта, ведь он возвращается к 2014 году и высказывает здесь мнение, что Российская Федерация была практически вынуждена в конечном итоге выступить в качестве защитной державы.

Жак Бо (запись): Как известно, за восемь лет — с 2014 по 2022 год — погибло около 10 000 мирных жителей, причём в большинстве случаев по вине украинского правительства. Затем в марте 2021 года был принят этот указ или постановление Зеленского о возвращении Крыма и Донбасса, а также произошло первое усиление обстрелов населения Донбасса. В феврале последовало второе усиление этих обстрелов. Именно эти факторы побудили Владимира Путина к действиям. И, говоря проще, Путин применил один из принципов ООН. Это принцип ответственности по защите. *The responsibility to protect*. Это принцип ООН, действующий с 2005 года, который позволяет государству — кстати, не только позволяет, но даже обязывает — защищать государство, защищать население. Этот принцип состоит из трех основных составляющих.

Первый компонент — это само правительство. Оно должно само защищать собственное население. Как мы видели, в Донбассе этого не произошло, поскольку Киев фактически открыл огонь по своим собственным гражданам.

Второй принцип заключается в том, что другие государства должны оказывать политическую поддержку данному государству. Именно такую роль играли Франция и Германия. И стало очевидно, что эти две страны просто не хотели соблюдать Минские соглашения, то есть политическое решение.

И третий компонент — это вмешательство соседнего государства. Именно это и сделала Россия. И в этом заключается принцип легитимности.

Что можно сказать об этой позиции, на которую здесь ссылается Жак Бо, — о так называемой *Responsibility to Protect* («ответственности по защите»), которую он приводит в качестве обоснования?

Майкл Гайслингер: Что ж, «ответственность по защите» представляла собой попытку обосновать относительно масштабные интервенции с применением военной силы в целях защиты от фундаментальных и серьезных нарушений прав человека. Эта попытка изначально исходила из Канады и широко использовалась США и западными странами, однако не нашла отражения в международном праве. Ответственность по защите оправдана с точки зрения международного права только при наличии мандата Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. По моему мнению, такой подход не может служить интересам Российской Федерации, и в этом вопросе я не согласен с господином Бод.

Однако следует отметить функцию защитной державы, вытекающую из права меньшинств, а именно из правовых норм Организации Объединенных Наций и Совета Европы в отношении меньшинств. Хотя это и не является непосредственно

«обязанностью защищать», тем не менее этот подход в определенной степени может быть использован в пользу г-на Бо, а также в пользу Российской Федерации, и с точки зрения международного права его следует использовать.

В своей речи в Винтертуре Жак Бо также приводит данные ОЭСР. Он отмечает, что в то время в Донбассе резко возросло число артиллерийских обстрелов, направленных против населения, преимущественно состоявшего из этнических русских. Также состоялись так называемые Минские переговоры, о которых, как цитирует Бо, в частности, г-жа Меркель, впоследствии в статье в «Die Zeit» стало известно, что все эти переговоры были лишь прикрытием, чтобы выиграть время для дальнейшего перевооружения Украины. Играл ли такие соображения роль при классификации той или иной меры с точки зрения международного права?

Безусловно. И в этом смысле господин Бо также прав. Действительно, нужно начинать с 2014 года, а не с 2022-го. В 2014 году в Украине произошла революция, связанная с событиями на Майдане. А революция означает изменение украинской конституции, не предусмотренное конституционным правом. И в это уже была вовлечена так называемая трехсторонняя группа, которая тогда вела переговоры с президентом Януковичем и пришла к соглашению, согласно которому должна была вновь вступить в силу конституция, ранее отмененная Конституционным судом, и должно было быть сформировано правительство национального примирения. В конечном итоге Янукович подписал это соглашение вместе с другими участниками. Однако эти другие участники — по крайней мере некоторые из них, как утверждается, под угрозой убийства — в ту же ночь фактически спровоцировали бегство Януковича с территории Украины.

Оттуда дело развивалось шаг за шагом, и настоящая отправная точка для оценки с точки зрения международного права заключается в так называемом объявлении антитеррористической операции, которое было сделано в то время исполняющим обязанности президента Турчиновым, не имевшим конституционных полномочий, то есть уже действующим на революционных основаниях. И если разобраться в этом с юридической точки зрения, то это была попытка навязать эту революционно измененную конституцию на всей территории Украины.

Эта попытка означала применение военной силы против тех, кто выступал против этой конституции. И это были не только жители Восточной Украины, но и люди по всей Украине, хотя в основном в так называемых русскоязычных регионах страны.

И нельзя упускать из виду, что в то время из 50 миллионов жителей страны около 37 миллионов были носителями украинского языка, а около 11 миллионов — русского языка или вообще считали себя русскими. То есть значительная часть

населения всей этой территории, которая в конечном итоге отделилась от Советского Союза, став Украинской Советской Социалистической Республикой.

Этот период с 2014 по 2022 год следует квалифицировать как этап вооружённого конфликта без международного участия — то есть, говоря проще, как гражданскую войну — ввиду применения насилия. И об этом г-н Бо не смог сказать в своем докладе 2023 года. Но сегодня мы знаем из статистических данных Международного комитета Красного Креста, что общее число жертв на этом этапе составило около 10 000 человек, причем именно гражданских лиц. То есть речь идет о людях, которые не участвовали в военных действиях ни на стороне украинской армии и украинских частных вооруженных формирований, которые затем дополнительно сформировались, ни на уровне армий Луганской и Донецкой народных республик — тех двух, которые, таким образом, откололись. Поэтому в этом смысле следует сказать, что именно там был спусковой крючок и применение насилия против этих двух народных республик, которые по международному праву следовало бы классифицировать как так называемые де-факто режимы. Применение насилия против этих двух режимов должно было быть осуждено Советом Безопасности Организации Объединенных Наций. Ведь это уже было применением насилия. Об этом можно прочитать, например, в комментарии Бруно Симмера к Уставу Организации Объединенных Наций. Это также было закреплено в международном праве как нарушение запрета на применение насилия.

Вы только что упомянули, что позднее были провозглашены Донецкая и Луганская народные республики. Могли ли они вообще с точки зрения международного права юридически действительным образом отделиться? Ведь преобладающая точка зрения по-прежнему исходит из того, что речь идёт о территории Украины.

Конечно, это возможно, и это далеко не единственный случай, когда возникают так называемые де-факто режимы. Разница лишь в том, как к ним относятся. В случае с Косово произошло нечто очень похожее, и Косово пользуется широкой международной поддержкой, вопреки даже резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, в которой по-прежнему подчеркивается суверенитет бывшей Югославии и нынешней Сербии, что необходимо учитывать в данном контексте. То есть у Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики было несправедливо и без учета соответствующих прецедентов в международном праве отнято это право на создание самостоятельной республики.

Разница заключалась в том, что, учитывая два Минских соглашения, российская сторона на протяжении всего периода с 2014 года и вплоть до провозглашения независимости, то есть с 2014 по 2022 год — они провозгласили независимость в

мае 2014 года и приняли конституцию в сентябре 2014 года — в течение этого периода считалось, что Минские соглашения будут выполнены. И Минские соглашения в конечном итоге привели бы к тому, что обе народные республики договорились бы с Украиной и образовали бы единое государство.

По мнению Украины — децентрализованное государство, по мнению двух народных республик и их представителей — скорее федеративное государство. Таковы были разные толкования Минских соглашений. Но в любом случае, пока верили в выполнение Минских соглашений, столько же и придерживались мнения, что народные республики в конечном итоге вновь найдут общий путь с Украиной.

Так ли уж неправомерно сослаться на статью 51 Устава ООН, как это принято считать согласно преобладающей точке зрения?

Нет. Но я должен отметить, что Россия создала прецедент военного вмешательства с целью защиты соотечественников в другом государстве. В истории международного права я не смог найти ни одного подходящего примера, который бы соответствовал этой ситуации. Я уже упоминал, что положение русскоязычного населения на Украине, в конечном счете, было вопросом прав национальных меньшинств.

Существуют соответствующие нормы на уровне Организации Объединенных Наций, а также на уровне Совета Европы. Эти нормы ничего не говорят о возможности силового вмешательства. В истории есть, по сути, только один единственный пример, когда дело пошло в этом направлении. И это касается, собственно, Австрии и Италии. В 60-е годы, если вы помните, когда в Италии, в Южном Тироле, произошли соответствующие террористические атаки, а так называемое соглашение между Австрией и Италией от 1946 года так и не было выполнено. Тогда имели место нападения на электроопоры, на посты итальянских карабинеров, на стрелковые отряды, в которых участвовали австрийские сторонники, австрийские граждане из Северного Тироля, что привело к «звукам сабель» между Италией и Австрией, которые, однако, в конечном итоге не привели к открытому военному конфликту, но это привело к тому, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций прямо признала статус Австрии как защищающей державы, и оба государства были призваны урегулировать свои споры мирным путем, путем переговоров, а также под контролем Международного Суда, так что эти переговоры, начавшиеся в 60-х годах, в конечном итоге затянулись почти до вступления Австрии в Европейский Союз. Официальное заявление об урегулировании спора было сделано в 1992 году.

Если привести этот пример, то действительно приходится признать, что, если в другой части страны население подвергается таким жестоким репрессиям, в результате которых гибнут 10 000 и более человек, имеют место массовые нарушения других прав человека, уничтожается собственность, а также фиксируется огромное количество раненых, которые не включены в это число погибших, то придется признать, что здесь имеется, по крайней мере, тот же прецедент, что и в случае с Австрией и Италией.

В глобальном масштабе то, что происходило на Украине в период с 2014 по 2022 год, вполне можно приравнять или сравнить с конфликтом между хуту и тутси в Руанде и Бурунди, а также с отношением к меньшинству рохингья в Мьянме — все это является крайними примерами применения насилия в отношении меньшинств в новейшей истории международного права.

До сих пор ни в одном случае не происходило так, чтобы государство заявляло: установленный им порог терпимости абсолютно превышен, и поэтому оно прибегает к военному вмешательству. Поэтому я бы сказал, что статья 51 в данном случае не является особенно убедительным обоснованием. Однако, безусловно, следует признать, что речь идёт не об агрессивной войне, и столь же безусловно можно утверждать, что в пользу России существуют серьёзные смягчающие обстоятельства. Если бы когда-либо дошло до судебного рассмотрения подобных случаев — что я практически со стопроцентной уверенностью исключаю, — то этим обстоятельствам следовало бы противопоставить смягчающие факторы, имеющие значение в контексте запрета на применение силы. В итоге, исходя из такой аргументации, я прихожу к позиции, близкой к позиции господина Бо, однако не стал бы поддерживать именно его линию правового обоснования.

Конечно, по понятным причинам я сейчас не могу присоединиться к аргументации о том, что речь не шла об агрессивной войне, но с точки зрения международного права эта точка зрения, по крайней мере, заслуживает обсуждения. В целом, господин профессор Гайслингер, из нашего разговора я делаю вывод, что правовую оценку, которую даёт Жак Бо, вероятно, следует отнести к мнению меньшинства в международно-правовой науке, но никак не к полностью несостоятельной или лишённой оснований точке зрения.

Да, в этом Вы правы. То, что я здесь Вам изложил, мои коллеги в Германии, вероятно, подвергли бы жёсткой критике и буквально разгромили бы. Однако я тщательно исследовал этот вопрос и подошёл к нему с требованием объективного анализа и добросовестного изучения фактов — именно так, как обязан поступать специалист по международному праву в соответствии с профессиональными стандартами нашей научной дисциплины.

Искренне благодарю Вас за сегодняшнюю дискуссию и ваши комментарии. Большое спасибо.

Спасибо, что уделите время.

_____ /// _____

Михаэль Р. Мозер: Сегодня в нашей передаче мы поговорим о Жаке Бо и, конечно же, о противоречиях между свободой слова, диктатурой мнений и санкциями со стороны Европейского союза. Сегодня я разговариваю с доктором Валентином Ландманом в его адвокатском бюро в Цюрихе, ведь он входит в команду адвокатов Жака Бо. Валентин, рад снова видеть тебя на нашей передаче.

Д-р Валентин Ландманн: Я очень рад, что ты сегодня снова с нами. Да, это верно, я вхожу в число адвокатов г-на Бо. У меня есть доверенность от г-на Бо, я представляю его интересы в целом и консультирую его по общим вопросам. Есть и другие адвокаты, которые сейчас консультируют его по вопросам взаимодействия с европейскими органами и т. д.

Как ты оцениваешь санкции, вводимые Европейским союзом в целом в отношении так называемых «преступлений за высказывание мнения»? Ведь именно по этой причине с 15 декабря 2025 года Жак Бо подвергается жестким санкциям со стороны Европейского союза.

Как правило, разрешается говорить то, что не запрещено уголовным законодательством или не может быть оспорено в рамках гражданского иска. То есть, если то, что кто-то говорит, не является уголовно наказуемым, он имеет право это говорить. Вопрос, который сегодня постоянно возникает — сказал ли кто-то что-то неверное или речь идет о фейковых новостях — с юридической точки зрения на самом деле совершенно несущественен и не имеет никакого значения для применения санкций. По нашему мнению, в Европе кого-то можно наказать только в том случае, если он говорит что-то, имеющее отношение к уголовному праву. То есть, если он скажет, например, что доктор Мозер из Kontrafunk — идиот, то это является уголовно наказуемым. При этом можно было бы совершенно ясно доказать, что это не так.

Большое спасибо, но с точки зрения Европейского союза речь идет о том, чтобы сдерживать так называемую дезинформацию и российскую пропаганду. Конечно, это вступает в противоречие, с одной стороны, со свободой слова

Жака Бо, а с другой — со свободой слова и свободой информации граждан. Почему на Жака Бо налагаются санкции? Какова твоя личная оценка ситуации как юриста?

На мой взгляд, главная проблема ЕС заключается в том, что он налагает самые суровые санкции на тех, кто не совершил ни малейшего правонарушения в смысле уголовного права. Просто ничего, абсолютно ничего.

Он изложил результаты своих исследований. В отношении любых научных выводов можно сказать: «Мы с этим не согласны». Это возможно, мы можем так поступить. Но дело вовсе не в этом. Никто даже не утверждает, что он говорит что-то неверное, речь идет лишь о том, нарушает ли Жак Бо общепринятое мнение в ЕС. А если он нарушает общепринятое мнение в ЕС, то средством воздействия становятся санкции. Тогда у него отбирают все финансовые средства. Он не может даже купить бутерброд со своего счета. Он не может снимать деньги со своего счета. Он не может получать свою пенсию. Он ничего не может. Вначале счет был даже полностью заблокирован. ЕС полностью игнорирует Европейскую конвенцию о правах человека. Здесь ЕКПЧ просто сминают и выбрасывают в мусор.

Сейчас Жак Бо — заслуженный швейцарский офицер. Он уволился со службы в звании полковника генерального штаба. Тогда у пристального наблюдателя, естественно, возникает вопрос: что же делает Швейцария для своего гражданина, который сейчас застрял за границей? Ты говоришь, что он не может себе позволить купить даже бутерброд, он не может даже купить билет на общественный транспорт. В таком случае ему вообще не стоило сейчас выезжать из Бельгии.

Разве Швейцария или Федеральный департамент иностранных дел (ФДИИ) не обязаны, в рамках своих защитных функций, попытаться с помощью дипломатических средств вернуть его домой, в Швейцарию?

Мы также спросили господина Бо, не обращался ли он напрямую в Министерство иностранных дел. Судя по всему — хотя у нас нет на это доказательств — он так и поступил. И там ответили: «Мы не знакомы с господином Бо». Господин Бо — полковник Генерального штаба Швейцарии. И если какой-либо политик или журналист спрашивал, ему отвечали: «Мы не знаем господина Бо». Позже стало ясно, что это была глупая отмазка, они просто не хотели как-то расстроить ЕС. То есть они просто хотели пресмыкаться перед ЕС и не высказывать там мнения, которое противоречило бы тому, что делает ЕС. Это просто возмутительно.

К тому же Швейцария и пальцем не пошевелила в защиту господина Бо, особенно после разбирательства, которое с головой пошло наперекосяк всем принципам ЕКПЧ. Разве нельзя было хотя бы попытаться заявить, что этому человеку нужно дать возможность высказаться через адвоката или самостоятельно, а уже потом принимать решение? Ничего. Министерство иностранных дел Швейцарии зарылось в землю и сделало вид, будто не знает Бо. Позже стало ясно, что, конечно же, они знают господина Бо. А он — очень уважаемый деятель науки, который также работал в Швейцарской разведывательной службе, сотрудничал с различными швейцарскими ведомствами, а также с организациями ЕС и ООН. Таким образом, в отношении этого господина Бо было совершено нечто ужасное. Но так регулярно поступают с каждым, кто подвергается санкциям со стороны ЕС. Это не судебная процедура, это решение властей. Это решение, как от короля или кого-то в этом роде. Госпожа фон дер Ляйен принимает решение, и все.

Как, с точки зрения опытного юриста, следует оценивать ситуацию, когда к представителю СМИ применяются такие меры за якобы ложное или непопулярное мнение?

Видишь ли, то, что происходит с господином Бодом, — это результат того, что люди перестали ориентироваться на то, что является уголовно наказуемым. Совсем перестали. То есть никто не будет обвинять господина Бо в том, что он сказал или написал что-то уголовно наказуемое, а будет обвинять в том, что он написал или сказал что-то, что не устраивает Еврокомиссию. И только это. И за это его приговаривают к «смертной казни» в виде санкций. Это может случиться и с тобой. Ведь ты тоже не из тех, кто говорит только то, что соответствует мейнстриму.

Да, и, может, завтра тебе придет письмо. То есть, тебе, конечно, почта не придет, но это будет в Официальном вестнике ЕС. «На господина Мозера наложены санкции. Отныне никто не имеет права читать его работы, никто не имеет права печатать его материалы, никто не имеет права передавать то, что говорит господин Мозер. И никто не имеет права давать ему еду». Это средневековье в самом ужасном проявлении. И это чудовищно, особенно для Швейцарии, которая позиционирует себя как ярый защитник ЕКПЧ; это ужасно, что здесь никого не волнует, когда швейцарца практически объявляют вне закона и просто пытаются заставить его замолчать.

Это явление всё больше укореняется в ЕС. И если теперь перед Швейцарией стоит вопрос, следует ли ей присоединиться к так называемому договору о подчинении и впредь распространять на себя действие всех норм ЕС в этих сферах, то тогда и Швейцария была бы вынуждена применять такие санкции без какой-либо правовой возможности им противостоять. Швейцария же просто не предпринимает никаких

действий. Она ничего не делает в отношении этих санкций. Федеральный совет, правда, недавно заявил: да, да, нам об этом известно. И да, мы желаем господину Бо всего наилучшего. Но на этом всё и закончилось.

Валентин, я искренне благодарю тебя за твой рассказ из первых рук. И мы продолжим этот разговор.

И тебе большое спасибо.

_____ /// _____

Михаэль Р. Мозер: Европейский Союз ввел новый режим санкций и активно им пользуется. На данный момент санкции введены в отношении 47 физических лиц за предполагаемую дезинформацию в рамках российских стратегий дестабилизации. Мы подробно обсуждаем этот вопрос на основе экспертного заключения, которое было заказано членами Европейского парламента и теперь пришло к сокрушительному выводу. Я обсуждаю это вместе с профессором Дариусом Шиндлером, коллегой по профессии из Карлсруэ. Дариус, добро пожаловать в программу «Правовое государство» на Kontrafunk.

Проф. Дариус Шиндлер: Дорогой Михаэль, большое спасибо за приглашение.

Дариус, а о чем идет речь в этом заключении? О каких именно санкциях идет речь? Какова правовая основа для этих санкций?

Да, в данном экспертном заключении речь идет, в частности, о двух правовых актах Совета Европейского союза от 8 октября 2024 года. Оба правовых акта направлены против физических и юридических лиц, которых обвиняют в манипулировании информацией по поручению или в интересах российского правительства. Санкции конкретно состоят из двух мер: с одной стороны, запрета на въезд во все государства-члены ЕС, а с другой — полного замораживания активов, и запрета на предоставление экономических ресурсов.

И среди лиц, в отношении которых введены санкции, есть также граждане ЕС, например немецкие журналисты и блогеры. Это имена, хорошо известные слушателям «Контрафунк». Алина Липп, Томас Рёпер, проживающий в Санкт-Петербурге. Берлинский журналист Хуссейн Догу, о котором уже говорилось в нашей программе «Правовое государство», а также швейцарский полковник Жак Бо.

Проблема заключается в том, что в данном случае против лиц, которые в основном занимаются распространением мнений и информации, применяются самые суровые меры гражданского права, а именно: замораживание активов, запрет на предоставление средств и запрет на занятие определенной профессиональной деятельностью. И с юридической точки зрения это совершенно иное явление, чем борьба с терроризмом, где такие санкционные меры и возникли исторически.

Теперь ты затронул основную проблему — да, нечто вроде ареста имущества в сочетании с серьезными ограничениями не только личной свободы передвижения, но и свободы деятельности в экономической сфере.

С какими именно европейскими основными правами, по мнению этих двух профессоров, вступают в противоречие данные санкции?

В экспертном заключении действительно перечислено несколько пунктов. Я бы хотел упомянуть только самые важные из них.

Во-первых, нарушение свободы выражения мнения и свободы информации. Эти права закреплены в статье 11 Хартии основных прав Европейского Союза. Режим санкций не ограничивается явными случаями дезинформации, поскольку отсутствуют два решающих ограничения. Дело в том, что соответствующая информация должна быть явно дезинформацией и, кроме того, она должна явно способствовать дестабилизирующей деятельности России. А без этого двойного критерия явности вмешательство в свободу выражения мнения является совершенно несоразмерным.

Во-вторых, перед включением этих лиц в список не было обеспечено право на заслушивание. В экспертном заключении отмечается, что ни решение Совета, ни постановление не предусматривают заслушивания заинтересованных лиц до их включения в санкционный список. А это противоречит пункту 2 статьи 41 Хартии, а именно праву на надлежащее административное управление. И эта процессуальная ошибка влечет за собой дальнейшие нарушения, а именно права собственности в соответствии со статьей 17 и права на частную и семейную жизнь в соответствии со статьей 7 Хартии.

Речь идет о серьезных нарушениях или, по крайней мере, о противоречиях с европейскими основными правами. Право на заслушивание является одним из основополагающих принципов любого правового государства. Что же в данном экспертном заключении выделяется в первую очередь?

В данном экспертном заключении уделяется особое внимание праву на слушание и выделяются три ключевых отличия. Дело в том, что в случае с терроризмом деньги являются средством для совершения преступления, ведь оружие стоит денег. В случае с дезинформацией инструментом служит не оружие, а слово. И финансовые средства здесь играют гораздо меньшую роль. Кроме того, Европейская служба внешних связей в своём докладе за 2023 год, посвящённом иностранным информационным манипуляциям, сама определила это как модель поведения, которая в большинстве случаев не является незаконной, то есть не противоречит закону.

И кроме того, в контексте борьбы с терроризмом затрагивалось прежде всего право собственности, а именно главным образом замораживание активов и запрет на предоставление средств. Здесь же дополнительно и в первую очередь речь идёт о свободе мнений, то есть об одном из основополагающих прав, имеющем выдающееся значение для демократии.

Это понятно, поскольку для финансирования терроризма нужны деньги. Если имеются оружие или иные средства, которые могут использоваться для совершения преступления, то их можно конфисковать. Всё это вполне объяснимо. Но когда речь идёт о выражении мнений и санкции накладываются на журналиста или сотрудника СМИ, то это уже очень близко к фактическому запрету на профессию. Можешь ли ты подробнее разъяснить этот аспект — фактически профессионального запрета?

О да, в заключении это действительно показано очень наглядно. Дело в том, что данный регламент, как и любой санкционный режим, запрещает предоставлять лицам, включённым в санкционные списки, денежные средства и экономические ресурсы. А к ним относится и заработная плата. И Федеральное министерство экономики Германии в ответ на запрос одной немецкой газеты подтвердило, что газета не имеет права выплачивать журналисту, включённому в санкционный список, даже зарплату за работу редактором.

И это де-факто представляет собой полный запрет на профессиональную деятельность. В заключении это рассматривается как нарушение статьи 15 Хартии, которая гарантирует свободу профессиональной деятельности, а также статьи 16, закрепляющей свободу предпринимательства. В обоих случаях речь идёт не просто об ограничении этих основных прав, а о нарушении самой их сущности, их фундаментального содержания.

Совместим ли вообще тогда такой санкционный режим с международным правом?

Здесь действительно играет роль статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, к которому присоединились все европейские государства и на который Европейский суд также постоянно ссылается в своей судебной практике. Этот Пакт требует соблюдения трёх условий для любого ограничения свободы выражения мнений: наличия правовой основы с достаточной степенью определённости, легитимной цели и необходимости такого ограничения в демократическом обществе. Именно требование достаточной определённости является условием, хорошо известным нам и из уголовного права. В заключении делается вывод, что уже первое из этих условий вызывает сомнения, поскольку такие понятия, как «информационная манипуляция» и «вмешательство», не имеют чёткого определения. Тем самым Совету фактически предоставляется неограниченное усмотрение при принятии решений о введении санкций в отношении конкретных лиц.

И международные и региональные органы по защите прав человека всегда подчёркивали, что расплывчатые и неопределённые законы, ограничивающие свободу выражения мнений, несовместимы с международными стандартами в области прав человека.

Тут мне приходит на ум старый латинский принцип: «*nullum crimen sine lege scripta et stricta*» — нет преступления без заранее существующего, письменно закреплённого и чётко сформулированного закона. Но кто вообще может оспаривать такой санкционный режим? Пострадавшие лица, очевидно, могут подать индивидуальный иск. Однако если говорить о законодательном уровне, ведь мы находимся на уровне Европейского союза, — кто может выступить против него там?

Прежде всего, оспаривать такие меры могут сами лица, в отношении которых введены санкции и чьи права были нарушены. Подобные случаи уже неоднократно происходили в прошлом. По ряду дел Европейский суд отменял санкции, введённые в отношении различных лиц.

На европейском уровне против этого мог бы выступить Европейский парламент, то есть наше представительное собрание депутатов. Однако его возможности здесь ограничены, поскольку судебный контроль со стороны Европейского суда в отношении решения Совета — а такое решение является элементом общей внешней политики и политики безопасности — в значительной степени исключён. Это означает, что Европейский парламент мог бы, в лучшем случае, сослаться на нарушение статьи 40 Договора о Европейском союзе, то есть на недопустимое

пересечение полномочий общей внешней политики и политики безопасности с другими компетенциями Союза. Однако, согласно заключению, перспективы успеха такого шага оцениваются как незначительные.

Иначе обстоит дело с регламентом, который в данном случае основан на статье 215. Здесь Европейский парламент действительно может на основании статьи 263 подать иск о признании акта недействительным в полном объёме и сослаться на все основания нарушения права, которые были изложены ранее. В заключении прямо указывается, что такой иск является допустимым с юридической точки зрения.

Но какова же центральная, основная мысль этого исследования, подготовленного двумя профессорами?

В заключении экспертизы содержится вывод, который я считаю чрезвычайно весомым. Согласно ему, этими мерами ЕС переходит Рубикон. И сейчас я поясню, что имеется в виду. До сих пор индивидуальные санкции в основном затрагивали право собственности и свободу передвижения. Теперь же санкции распространяются на свободу выражения мнений — право, которое является основополагающим для самой идентичности ЕС как сообщества права и ценностей. Одновременно с этим Европейский суд в делах, связанных с Россией, осуществляет сравнительно сдержанный контроль. В заключении напоминает, что именно полный судебный контроль после известного решения по делу «Кади» 2008 года считается незаменимым правовым противовесом санкционным полномочиям Совета. При этом в экспертизе цитируются слова Генерального секретаря ООН: «Бороться с дезинформацией на долгосрочной основе следует посредством повышения медиаграмотности и укрепления устойчивости общества, а не с помощью мер цензуры».

Именно этот контроль со стороны Европейского суда и является для меня тем самым Рубиконом. Ведь, помимо прочего, я придерживаюсь мнения, что Солнце вращается вокруг Земли. И это, дорогой Михаэль, ты должен мне позволить, потому что, когда я утром встаю и смотрю из кухни в окно, я вижу, как Солнце восходит на востоке и заходит на западе. Следовательно, совершенно очевидно, что Солнце вращается вокруг Земли. И здесь решающим является следующее. Статья 5 Основного закона Германии — теперь мы переходим с уровня ЕС на уровень немецкого права — защищает свободу мнений. Она защищает именно мнения, а не факты и не истины. Мнение подлежит защите. И хотя с научной точки зрения неверно утверждать, что Солнце вращается вокруг Земли, такое мнение всё равно защищается законом. Статья 5 защищает свободу мнений, а не свободу истины. И цензура не допускается. Поскольку — и это имеет здесь большое значение — сущностью свободы мнений является возможность придерживаться определённых

взглядов в рамках интеллектуальной и общественной дискуссии. При этом не имеет значения их ценность, правильность или разумность. Также несущественно, является ли мнение бесполезным, правильным, ошибочным или рационально обоснованным.

И именно здесь — и на это указывает заключение применительно к европейскому уровню — данное развитие вступает в конфликт с немецкой Конституцией, поскольку Федеральный конституционный суд Германии в решении «Solange II» (BVerfGE 73, 339 от 1986 года) заявил: пока Европейское сообщество, тогда ещё ЕЭС, и судебная практика Европейского суда обеспечивают защиту прав, которая в существенной степени соответствует уровню защиты основных прав в Германии, Федеральный конституционный суд не будет осуществлять свою юрисдикцию в этой сфере. Он отступает на второй план. А в 2000 году во втором сенате Федеральный конституционный суд в своём постановлении по делу «Организация рынка бананов» (BVerfGE 102, 147) — речь, что любопытно, действительно шла о регулировании рынка бананов — указал, что конституционная жалоба является недопустимой, если не доказано, что уровень защиты основных прав в Европейском союзе опустился ниже требуемого стандарта.

И теперь возникает вопрос, не подошли ли мы уже к этому рубежу. В связи с этим я хотел бы задать свой заключительный вопрос: считает ли Европейская комиссия граждан Союза в определённом смысле нуждающимися в опеке? Позвольте мне эту иронию, ведь у нас есть не только Закон о цифровых услугах (Digital Services Act), но теперь появились и санкции за выражение мнений, так что неизбежно напрашивается вопрос: не пришло ли время для решения «Solange III»?

Мы действительно подошли к переломному моменту. Моя семья родом из Силезии, мои родители приехали из Польши в 1970 году. Я вырос в культуре конституционного государства. Во время учёбы мы подробно занимались вопросами основных прав и свобод. Если Европейский суд не остановит это развитие событий, связанное с введением санкций за выражение мнений, тогда Федеральному конституционному суду Германии придётся заново определить своё отношение к европейскому праву в рамках решения «Solange III».

Тогда после этих впечатляющих заключительных слов остаётся надеяться, что их услышат и в правительственном квартале, который находится не так уж далеко отсюда. Дариус, большое спасибо за твою оценку и комментарии сегодня.

Спасибо.

Майкл Р. Мозер: А теперь послушайте комментарий Клаудио Занетти.

Клаудио Занетти: Санкции, введённые ЕС против швейцарского гражданина и известного военного аналитика Жака Бода, а также пассивная реакция Федерального совета Швейцарии побуждают к нескольким принципиальным размышлениям о смысле и назначении государства. Для чего определённая группа людей, проживающая на определённой территории, объединяется и организует свою жизнь, устанавливая для себя правила?

Государство, в конце концов, должно быть чем-то большим, чем просто адресом для уплаты наших налогов. И оно нужно нам не для того, чтобы предписывать до мельчайших деталей, как именно мы должны жить. Задача государства — защищать интересы личности. Именно в этом, а не обязательно во мнении большинства, заключается общее благо. Поэтому Конституция Швейцарской Конфедерации в так называемой статье о целях государства определяет его важнейшую задачу следующим образом: «Швейцарская Конфедерация защищает свободу и права народа и обеспечивает независимость и безопасность страны». В случае с Жаком Бодом швейцарское правительство не защитило ни права и свободы этого законопослушного гражданина, ни независимость и безопасность страны.

Всё это, по-видимому, отходит на второй план, как только в дело вступает Европейский союз. Более того, даже девиз Швейцарии в таком случае превращается в пустую формальность. Под куполом Федерального дворца, который соединяет зал между двумя палатами швейцарского парламента — Национальным советом и Советом кантонов, — крупными буквами начертан девиз: «Один за всех, все за одного». Точнее, там написано: «Unus pro omnibus, omnes pro uno». Латынь была выбрана для того, чтобы этот девиз действительно понимали все.

Уже начиная с 1830-х годов это выражение стало распространяться как неофициальный девиз Швейцарской Конфедерации. То есть задолго до появления «Трёх мушкетёров» Александра Дюма. Эта историческая краткая формула обобщала союзную политику швейцарских кантонов, закреплённую во многих федеральных договорах, и достигла своей кульминации в создании федеративного государства в 1848 году. Поэтому выражение «Один за всех, все за одного» должно было означать нечто большее, чем просто обычный рекламный лозунг.

Такое же понимание роли государства было присуще и Конституционному конвенту на Херренкимзее, который открыл проект Основного закона словами: «Государство существует ради человека, а не человек ради государства». В окончательной редакции Основного закона эта мысль получила следующее

выражение: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всей государственной власти». Обе формулировки ясно показывают, что государство должно служить человеку и что люди обладают правом защищаться от государства, если оно начинает выходить за пределы своих полномочий и вмешиваться сверх меры.

В случае с Жаком Бо государственный аппарат, по мнению автора, вышел за пределы своих полномочий. Вместо того чтобы использовать предоставленную ему монополию на применение власти для защиты права гражданина свободно выражать своё мнение, в том числе критику системы и её представителей, не опасаясь государственных репрессий, против Бо были применены меры, которые в значительной степени делают для него невозможной достойную человеческую жизнь.

Этому не предшествовал никакой судебный процесс в независимом суде. Также не было предоставлено право быть выслушанным, гарантированное Хартией основных прав Европейского союза. Властям в Брюсселе оказалось достаточно собственного согласия по этому вопросу. Почти как во времена Короля-Солнце.

Так называемое сообщество ценностей позволяет себе наказывать гражданина нейтрального третьего государства за его профессиональные оценки и суждения. Это является недвусмысленным актом запугивания и направлено на то, чтобы заставить замолчать критически мыслящего и независимого человека. Тот, кто отклоняется от политически предписанного нарратива, больше не опровергается с помощью аргументов, а подвергается прямому экономическому и репутационному уничтожению.

Следующей ступенью станут тюремные заключения.

И что будут делать власть имущие, если им придётся признать, что даже это не привело к ожидаемому ими изменению взглядов людей? Когда 18 сентября 2009 года Ливия похитила швейцарского менеджера компании АВВ Макса Гельди и 68-летнего швейцарско-туниского гражданина Рашида Хамдани, устроив над ними показательный процесс, федеральные власти в Берне ещё выражали возмущение. Армейскому разведывательному подразделению 10, созданному в том числе для спасения и освобождения граждан за рубежом, было поручено подготовить совершенно секретные операции по освобождению и эвакуации. В конечном итоге они сорвались из-за утечек информации. Почему же в случае с Жаком Бо ничего подобного даже не рассматривалось?

Почему Берн сначала объявил себя некомпетентным в этом вопросе, а затем ограничился чрезвычайно слабым дипломатическим демаршем? Неужели Брюссель опаснее Триполи? Или правительства просто утратили всякое чувство собственного достоинства по отношению к Европейскому союзу? Во всяком случае, от такого Европейского союза народам Европы не приходится ожидать ничего хорошего.

_____ /// _____

Михаэль Р. Мозер: Это была наша программа «Правовое государство». Мы все призваны вести борьбу за право и за свободу мнений. Как метко заметил Валентин Ландман, это может коснуться каждого, кто придерживается взглядов, отличающихся от мейнстрима. Это вызывает серьезнейшую обеспокоенность и является противоправным. Однако система, которая постоянно проявляет себя через незаконные действия, как, по его мнению, это делает Европейский союз, должна быть преодолена. Сможем ли мы заставить виновных ответить за свои действия, я, после сегодняшней передачи, смею усомниться.

Поддерживайте борьбу за свободу мнений и содержательную, энергичную, но при этом мирную общественную дискуссию, и донесите идеи и вопросы, поднятые в этой передаче, до широкой аудитории.

Меня зовут Михаэль Мозер. До новых встреч в эфире Kontrafunk.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Бо, Жак ЕС Швейцария ЕС Организация Объединенных Наций (ООН)